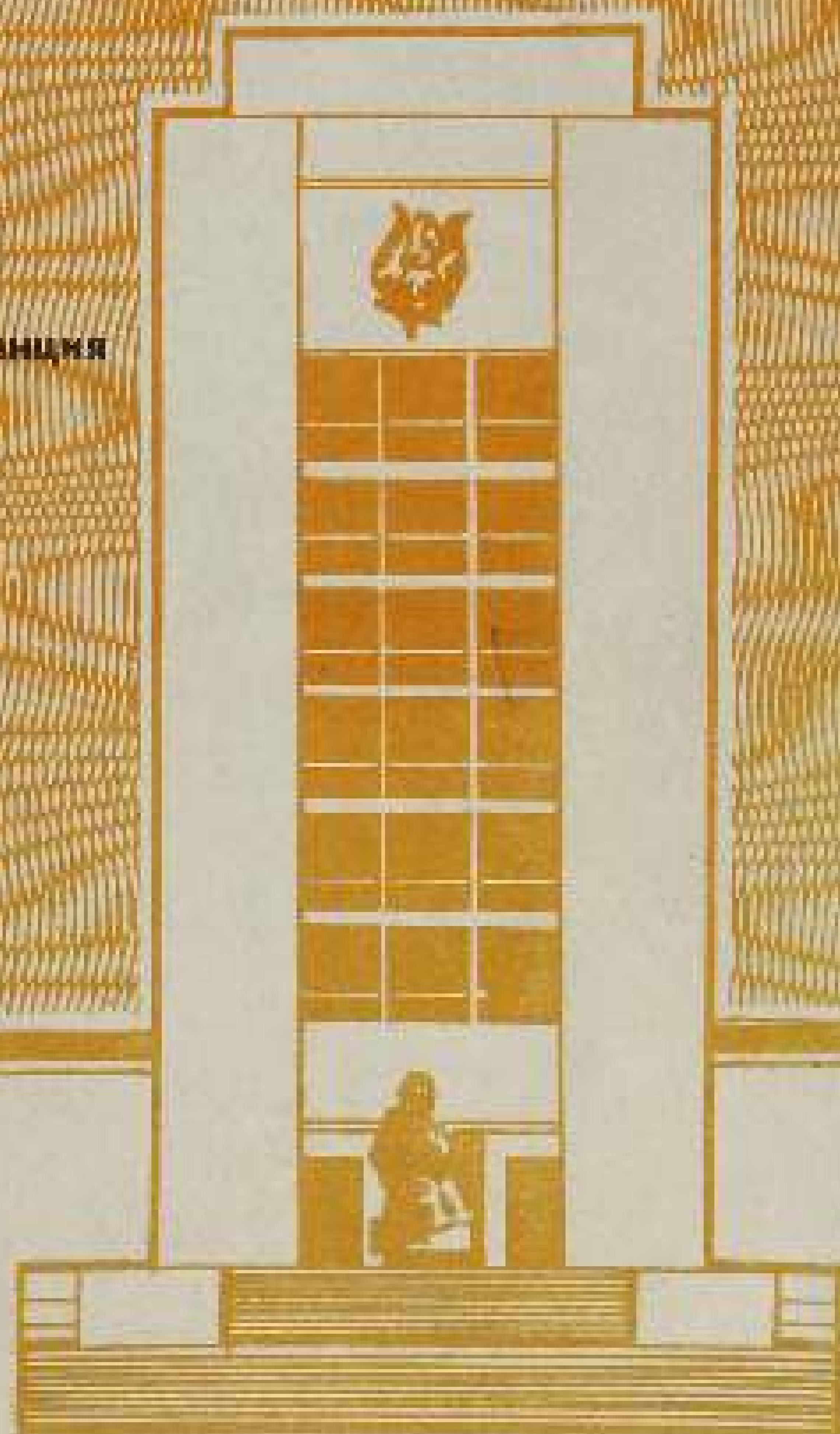

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

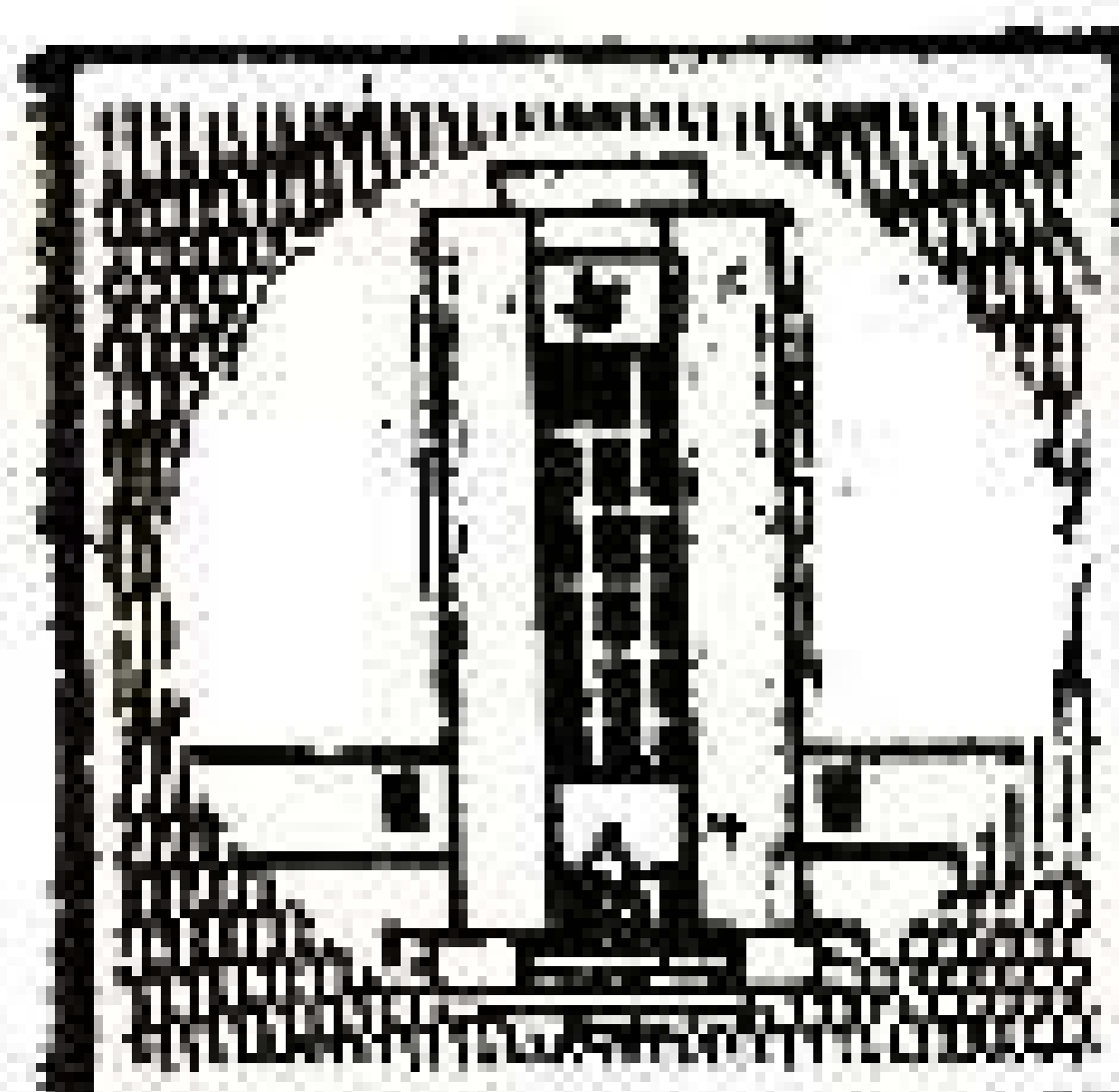
НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

В НОМЕРЕ:

- традиции педагогического образования
- наука и практика
- энциклопедия в журнале
- «Родной язык — моя Родина»: конференция в Финляндии
- Хроника. Рецензии. Обзоры

4
1991

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1991

4

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ Основан в январе 1990 г.

Мордовский университет

Выходит один раз в квартал

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Агапова Л. В., Бреев С. И. Приобщение к культуре 3

Воробьев Ю. К. Ступить и молвить (из истории классического образования в России) 5

Савкина Г. П. Подросток и нравственные нормы 7

НАУКА И ПРАКТИКА

История

Балашов В. А., Юрченков В. А. Региональная история: проблемы и новые подходы 10

Философия

Фролов Д. Е. Ценностно-оценочная концепция социальной активности личности 15

Кемкин В. И., Гнатюк В. С. Процесс развития и его отражение в теоретическом знании 19

Филология

Биккинин И. Д. Тюркизмы в английском языке 21

Шигуров В. В. К проблеме категориальной интерпретации вида и относительного времени деепричастий 24

Архитектура и строительство

Вавилин В. Ф. Традиции и новации в современном сельском жилище МССР 28

Ерофеев В. Т., Фельдман М. С., Шаров В. Г. Биостойкость и биodeградация строительных материалов 31

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ МОРДОВИИ

Словарные статьи Р. П. Васильевой, С. Г. Девяткина, В. П. Киржаевой, В. И. Лаптука, Е. Г. Осавского, В. А. Юрченкова. 34

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

«Родной язык — моя Родина». Саранск — Хельсинки — Эспоо — Саранск 47

Яакко Нумминен: «Мы за сотрудничество...» (беседа с директором канцелярии министерства образования Финляндии) 48

Лаялукка С. Настоящее и будущее волго-пермских языков: взгляд со стороны 50

Надькин Д. Т. «Когда разрушены основания, что делает проводник?» (выступление на писатльской конференции уральских народов «Родной язык — моя Родина», Финляндия, Эспоо, 1991 г.) 53

Кажушкина О. М. Экстерский университет глазами очевидца 56

ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

Кушкин В. Н. Заложивший основы вузовского образования (к 60-летию МГПИ) 59

Осавский О. Е. Новые английские исследования научного наследия М. М. Бахтина (рецензия) 62

Липатов С. И. Восенцетень ажда фкясь. Мокшэрзянь кялень наукарь уше-дыенза 65

Главный редактор Н. П. Макашкин

Редакционная коллегия:

Атасов Н. И., Бусарова Р. Н. (ответственный секретарь), Вантюсов Ю. А., Воскресенский Е. В., Доленко Д. В., Излев В. И., Кокорев В. А. (заместитель главного редактора), Лапшин С. А., Махушкин В. М., Мельник А. Ф., Мишанин Ю. А. (заместитель главного редактора), Мокшин Н. Ф., Нестеров С. А., Резин В. В., Савкин Н. С., Селяев В. П. (заместитель главного редактора), Сузарев А. И., Шичкин П. В., Цыганкин Д. В.

Адрес редакции: 430000, Саранск, ул. Большевикская, 68

Заместитель редактора Р. Н. Бусарова

Корректор С. В. Чудова

**Сдано в набор 02.09.91. Подписано в печать 20.11.91. Формат 70х100 1/16.
Бум. офсетная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,48. Уч.-изд. л. 5,00. Усл. кр.-этт 5,80.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 839. Цена 1 р. 25 к.**

**Мордовский ордена Дружбы народов государственный университет
имени Н. П. Огарева. 430000, Саранск, ул. Большевикская, 68.**

**Типография Издательства Мордовского университета,
430000, Саранск, ул. Советская, 24.**

**© Мордовский государственный
университет, 1991**

КЛАССИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ПРИБЛИЖЕНИЕ К КУЛЬТУРЕ

Л. В. АГАПОВА, С. И. БРЕЕВ —
кандидаты педагогических наук

Формирование педагогической культуры у будущего учителя в университете в основном осуществляется через изучение общего курса педагогики. Его внимание концентрируется всецело на тех подходах к воспитанию, которые определились в условиях господства тоталитарного политического режима, полного единомыслия, авторитаризма. Хотя сама педагогическая наука именовалась марксистско-ленинской, на деле же она представляла собой своеобразный конгломерат различного рода измышлений, преподносившийся как высший этап развития мировой педагогической мысли, например принцип партийности педагогики. По сравнению с ней всякая иная педагогическая мысль трактовалась как пройденный этап, как пережиток прошлого, как выражение реакционной политики «заправил буржуазного мира».

Односторонняя ориентация на мифический по своим результатам опыт советской школы обусловил ущербность самой теории. Явная недооценка зарубежного современного педагогического опыта и предшествующего опыта всего человечества крайне затрудняли формирование подлинно педагогического мышления, лишали будущего педагога необходимого ориентира в очень сложном деле, каким является обучение и воспитание, порождали предпосылки для всякого рода прожектерства, для самого настоящего бескультурья.

Без преувеличения можно утверждать, что очень серьезной ошибкой явилось исключение из учебного пла-

на такого предмета, как история педагогики. Одним из последствий этого следует признать отход от вековых традиций, мирового стандарта университетского образования, предполагающего всесторонность, фундаментальность, высокий интеллектуализм. Здесь уместно напомнить об отечественном прародителе современных университетов — Московском государственном университете, его огромной просветительской деятельности. Благодаря созданию при университете типографии Россия познакомилась с передовой зарубежной педагогической мыслью, включая произведения великого чешского педагога Я. А. Коменского, многих просветителей Запада.

Замена курса истории педагогики различного рода идеологизированными спецкурсами не могла принести добрых плодов, ни в коей мере не способствовала решению главной задачи — воспитанию педагога-гуманиста, педагога-новатора. Сам факт сужения теоретической базы для формирования педагогического мышления не вызвал особой тревоги у большинства педагогов. Правда, в последнее время все чаще раздаются голоса в защиту курса истории педагогики. Однако они наталкиваются на непонятную глухоту. Положение может быть исправлено на местах. Для этого уже созданы необходимые предпосылки с предоставлением университетам права вносить по своему усмотрению дополнения в типовый учебный план.

В Мордовском государственном университете историко-педагогическому образованию уделяется серьезное

внимание. Здесь сложилась своя традиция. Сотрудники кафедры педагогики проявляют огромный интерес к педагогическому наследию всех времен и народов. Ознакомительная историко-педагогическая тема, в которой обозначаются лишь главные вехи, развернута в самостоятельный раздел программы по педагогике. На него отводится не менее 18 часов. Он предпосылается курсу педагогики, служит введением в него. У студентов наблюдается исключительно высокий интерес к историко-педагогическому материалу, желание познать и осмыслить наследие прошлого, соотнести его с настоящим, убедиться в том, что лишь общечеловеческие ценности, заложенные в трудах педагогов-гуманистов, могут быть подлинной основой теории воспитания.

С этой точки зрения заслуживает особого внимания наследие великого чешского педагога Я. А. Коменского, 400 лет со дня рождения которого вся прогрессивная мировая общественность отмечает в 1992 году. Следует признать, что в лице этого мыслителя мы имеем основоположника педагогики как самостоятельной отрасли знаний. Гений этого человека проявился в том, что он сумел впитать в себя весь опыт человечества, переосмыслить его с позиций гуманизма и заложить основы гуманистической педагогики.

Курс на возрождение гуманистических традиций университетов предполагает более действенные меры по приобщению студентов к истокам мировой общечеловеческой культуры, неотъемлемой частью которой является и история педагогики — составной элемент современного международного стандарта педагогического образования. Отрадно то, что в Мордовском университете предполагается введение спецкурса по истории педагогики на всех факультетах. Он может читаться как после изучения курса педагогики, так и до него.

Спецкурс по истории педагогики по своему содержанию не мыслится как своеобразный слепок с основного курса, с учебника по истории педагогики,

крайне идеологизированного, страдающего гипертрофией классового подхода. В спецкурсе предусматривается дать объективное, а значит, подлинно научное отражение процесса развития воспитания и педагогической мысли. Лишь в этом случае он может вписаться в процесс департизации общественной жизни, снятия излишней идеологизированности культуры и образования. Приоритетность воспитания в его социальном аспекте — главный принцип определения содержания спецкурса, возрождение консолидирующей функции культуры, воспитания — важнейшее требование к спецкурсу. Важная его задача — высветить гуманистическую направленность усилий всех тех представителей мировой культуры, кто серьезно занимался этим очень сложным делом совершенствования нравов людей.

В основу построения спецкурса положен хронологический принцип, предусматривающий учет хода истории, ее этапов, однако его содержание формируется по проблемно-тематическому принципу, обеспечивающему вычленение ведущих педагогических идей, раскрытие их развития и преемственности этого процесса.

Истоки воспитания исходят из очень далекого прошлого. В недрах глубокой древности не только формировался опыт, но и зарождались педагогические идеи, определявшие в последующем процесс становления теории и практики. Программой спецкурса предусматривается прослеживание исторического пути развития педагогики на всех этапах социальной, культурно-исторической жизни человечества, начиная с древнейших времен до настоящего времени. В него вошла педагогика древнего мира, включая страны Дальнего и Ближнего Востока, эпохи средневековья, нового времени с кануна буржуазных революций, педагогика дореволюционной России, советского периода, элементы сравнительной и национальной педагогики.

С позиции просветительного принципа в программе дается оценка советской педагогики, в связи с чем пере-

сматриваются прежние педагогические стереотипы, на первый план выносятся анализ педагогических процессов, их специфики, сущности педагогических теорий, сложности и противоречивости развития советской школы и педагогики. Своеобразие социально-педагогических процессов советского периода — весьма серьезная проблема для исследователя, для педагогической науки в целом. Весьма показательным в этом плане является изучение наследия А. С. Макаренко.

Усвоение спецкурса, построенного на новой методологии, предполагает использование нестандартных форм и методов работы над его содержанием. Основным методом следует признать тщательное изучение педагогических первоисточников, включая труды Маркса и Ленина, а не их комментариев. Нынешняя историко-педагогическая литература может быть использована лишь при критическом ее осмыс-

лении. В этих условиях значительно возрастает роль обзорных, установочных лекций, в ходе которых и должна быть раскрыта суть просветительной методологии. Доминирующими предполагаются диалоговые формы и методы, диспуты, групповые и индивидуальные беседы. В связи со сравнительно большим объемом спецкурса помимо аудиторных занятий необходимы самостоятельная работа, написание рефератов по отдельным проблемам.

Разработанная программа носит ориентировочный характер. В ней лишь обозначен круг вопросов, представляющих несомненный интерес. Она может корректироваться с учетом профиля факультета, изучение спецкурса должно проводиться на разных уровнях в зависимости от количества отводимого на него времени. Полный курс рассчитан на 46 учебных часов: 32 — лекционных, 14 — семинарские занятия.

СТУПИТЬ И МОЛВИТЬ

[ИЗ ИСТОРИИ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ]

Ю. К. ВОРОБЬЕВ, кандидат филологических наук

В последние годы педагогическая наука со все возрастающим интересом обращается к истории классического образования. И это правильно. Многие традиции русской педагогической теории и практики мы можем и должны возродить, разумеется, с учетом новых общественных потребностей. Откликаясь на обращение редакции «Вестника Мордовского университета», считаю необходимым предельно кратко осветить один из аспектов гуманитарного образования в России XVIII века — обучение светскому этикету и составной его части — речевой (риторической) подготовке учащихся.

Актуальность обращения к нашему историческому опыту не вызывает

сомнений, особенно если попытаться ответить, например, на вопрос, в состоянии ли большинство выпускников средней школы элементарно владеть словом в разных жизненных обстоятельствах. Хорошо, если юноша в 17 лет уверен в себе, умеет держаться и говорить в любой жизненной ситуации. А если нет? Если он закомплексован и косноязычен настолько, что в разговоре не может связать, как говорится, и двух слов? Если он робок и неуклюж в движениях? Нередки случаи, когда студенты с трудом подбирают нужное слово, мучительно пытаются сформулировать простую мысль, не говоря уже об умении передать с помощью речи собственное душевное

состояние. Удручает косноязычие именно на родном языке, которым, казалось бы, все мы должны владеть свободно.

В качестве материала для исследования мы использовали педагогические трактаты, уставы и инструкции (Антология педагогической мысли России XVIII века. М., 1985). Итак, что же вкладывала русская педагогика в понятия «ступить» и «молвить»? Общая культура поведения, внедряемая, разумеется, прежде всего в дворянской среде, включала в себя умение двигаться, держаться, менять в зависимости от ситуации стилистические «регистры» речевого этикета. Школа и гувернеры закладывали всестороннее этически и эстетически нормированное воспитание. Правильной позе, жесту, речи учили одновременно. Для кавалера, например, ценилось совокупное умение танцевать, фехтовать, ездить верхом и «добрый разговор учинить». Николай Иванович Новиков по поводу танцев писал: «Танцевание есть, бесспорно, одно из прекраснейших, благороднейших и самых лучших телесных упражнений для обоого пола. Оно соединено с движением почти всех частей тела» (Антология, с. 312).

Из устава воспитания благородных девиц узнаем, что в возрасте от 15 до 18 лет они должны изучать «все правила доброго воспитания, благонравия, светского обхождения и учтивости» (Антология, с. 163). Далее читаем: «Все сии изящные качества надлежит соглашать с пристойною и благородною скромностью в поведении, в осанке приятных, в разговорах вежливых и разумных» (разрядка наша. — Ю. В.) (Антология, с. 170).

Антон Антонович Прокопович-Антонский настаивал на обучении практическому владению русским языком: «Уметь говорить и писать на нем красиво, сильно и выразительно, по приличию материй, времени и места — все это составляет труд едва одолжимый» (Антология, с. 353). Те же мысли находим у Н. И. Новикова: «Хотя половина учащихся не будет никогда говорить формальных речей, однако вся-

кий из них почти ежедневно должен бывает сообщать мысли свои другим либо через письмо, либо изустным рассказыванием» (Антология, с. 342).

В уставе для народных училищ Федор Иванович Янкович де Мириево так оценивал роль учителя: «Учителям препоручается... подавать воспитанникам своим наставления в благонравии и ве

искусству движения в нерасторжимом единстве с искусством слова учат театр и кино. А учит ли этому современная школа? Речь ученики изучают преимущественно на материале художественной литературы. Однако кроме умения всесторонне анализировать тексты изящной словесности учащийся должен уметь владеть речью в разных жизненных обстоятельствах: занять беседой гостей, приободрить отчаявшегося, поставить на место зарвавшегося, выступить перед аудиторией, составить частное или деловое письмо и многое другое. Все эти виды речи относятся в филологии к прозаическим. Может ли во всех подобных случаях в качестве речевого образца выступать только беллетристика? Знания одной только художественной литературы для выполнения этих функций недостаточно. Изучение художественной литературы воспитывает в основном эстетический тип мышления. Умение использовать язык в практических целях воспитывает прагматический тип мышления, более важный в том смысле, что наша обыденная прозаическая речь направлена на решение реальных, ежедневно возникающих проблем. Потребность в практической нормативной риторике огромна. Она нужна производственнику, политику, деловому человеку, обывателю.

Современная теоретическая и практическая риторика должна иметь мощ-

ное историческое обоснование. Только в этом случае будет по-настоящему осознан современный уровень требований к риторической подготовке учащихся. Слово и жест в единстве рационального, эстетического, эмоционального и логического начала — необходимые условия жизненного успеха. Владение ими вскрывает дополнительные резервы человеческой личности, дает новый импульс общественному развитию.

Итак, риторика вместе с хореографией, танцами и другими дисциплинами, развивающими интеллектуальный и пластический потенциал личности, должны, на наш взгляд, вернуться в новом качестве в состав школьных дисциплин. Важно переработать и заимствовать самое ценное из богатейшего педагогического наследия наших соотечественников, не забывая и современный мировой опыт. Предстоит глубокое осмысление и постепенное введение в школьные программы прежде всего практических курсов, направленных на развитие умения защитить идею, написать деловое письмо, опровергнуть выдвинутые оппонентом доводы, произнести спич, поухаживать за девушкой (на танцах, в театре), написать объявление и т. д. Подобные умения и навыки помогут вступающему в жизнь человеку чувствовать себя уверенно в разных сферах интеллектуальной деятельности.

ПОДРОСТОК И НРАВСТВЕННЫЕ НОРМЫ

Г. П. САВКИНА, аспирант

Подросток входит в жизнь общества, где он должен без труда различать добро и зло, справедливость и несправедливость, честность и ложь, знакомится с существующими нравствен-

ными нормами, типичными ситуациями их исполнения, учится подчинять свое поведение определенной дисциплине. Общество заинтересовано в том, чтобы усваивались не любые нравствен-

ные нормы, а лишь общественно ценные, полезные. В подростковом возрасте начинается и в основном заканчивается процесс формирования жизненной позиции. От наличия определенных факторов зависит, насколько он может затянуться, а в ряде случаев он не наступает совсем, что можно наблюдать на примере лиц с ярко выраженным антиобщественным поведением.

Можно выделить ряд условий протекания процесса усвоения подростками нравственных норм:

1) достижение уровня духовного развития, необходимого для сознательного усвоения норм;

2) расширение и усложнение сферы общения, выход за рамки школы и семьи;

3) ломка типа отношений со взрослыми, основанных на власти и неравенстве, переход к новому типу отношений;

4) выход на первый план системы общения со сверстниками, оттеснение на второй общения со взрослыми;

5) возникновение качественно новой формы жизнедеятельности — формирование малых групповых образований.

Нами было проведено исследование отношения подростков к нравственным нормам, цель которого — изучить оценки школьниками основных нравственных проявлений, характеризующих общественную направленность личности. Объектами нашего исследования были учащиеся 5 — 7-х классов школы № 10 г. Саранска, Инсарской 8-летней школы, Латышовской средней школы Инсарского района — всего 168 человек. Были использованы и модернизированы методики З. И. Васильевой, Л. И. Фридман.

Приступая к исследованию, мы предполагали, что подростки хорошо ориентируются в нравственных нормах, принятых в обществе, функционирующих в непосредственном общении и деятельности, владеют оценочными суждениями обобщенного характера. Мы полагали также, что сложившиеся нравственные оценки являются крите-

рием для понимания нравственного смысла непосредственного опыта деятельности и отношений. Однако трудно представить, какие нравственные нормы наиболее актуальны для подростков сегодня, в какой мере это обусловлено сложившимся опытом нравственных отношений и уровнем собственной воспитанности, что более всего ценится в опыте коллективных дел, чем определяются нравственная самооценка и перспективы самосовершенствования личности подростка, его ценностные ориентации.

Цель методики Л. И. Фридман «Выбор» — выявление отношения школьников к нравственным нормам и соответствующим нравственным качествам (ответственности, коллективистской направленности, самокритичности, совестливости, принципиальности, чуткости, справедливости). Учащиеся должны были выбрать ответ, который характеризовал бы поступок, взятый из повседневной школьной жизни. В результате получены следующие данные.

Среди пятиклассников 55 % учащихся сельских школ имеют активное, устойчиво положительное отношение к соответствующим нравственным нормам, у городских — 47,5 % и более чем в 3 раза выше процент активного, но неустойчивого и даже отрицательного отношения.

Среди шестиклассников процент активного, устойчиво положительного отношения уравнивается. Он в среднем составляет 46 %, возрастает пассивное и компромиссное отношение, отрицательное колеблется от 3,0 у сельских до 3,7 % у городских школьников.

Среди семиклассников активное отношение от 30 % у сельских до 20 % — у городских школьников. У учащихся городской школы преобладает активное, но неустойчивое отношение, и в 1,5 раза выше, чем у сельских сверстников, процент отрицательного отношения (13,5 %).

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. С возрастом у подростков как городских, так и сельских школ значительно увеличивается процент отрица-

тельного, неустойчивого отношения к нравственным нормам.

2. Остается по-прежнему высоким процент активного, но неустойчивого (возможны компромиссы) отношения. Это характерно для семиклассников, где данный показатель самый высокий.

3. Высокий процент активного устойчиво положительного отношения имеют пятиклассники и шестиклассники сельской школы.

Используя методику З. И. Васильевой, мы ставили цель изучить раскрытие учащимися смысла нравственных проявлений (личная ответственность в учении и общественном деле, сотрудничество на уроке, отношение к успеху товарища, умение заметить трудности, стремление и готовность помочь товарищу по учебе, активное участие в обсуждении нравственных вопросов, общественная активность, отзывчивость, чуткость).

В исследовании принимали участие учащиеся вышеназванных школ. В результате было установлено, что нравственные суждения детей различаются по содержанию и характеру, но в большинстве своем адекватно отражают сущность нравственных норм, вместе с тем эти суждения отличаются фрагментарностью и не дают возможности составить достаточно полную нравственную характеристику личности, ее направленности.

Так, в понятии «личная ответственность в учении и общественном деле» подростки видели разный смысл. Для пятиклассников это добросовестное отношение к учебе, хорошее поведение на уроке, для шестиклассников — ответственность, обязанность, среди семиклассников около 20 % считали, что «личная ответственность» — это учиться для себя, ответственность перед самим собой. Старшие подростки наряду с деловыми признаками выделяли социальный аспект в характеристике личной ответственности, рассматривали ответственное отношение к учению как обязанность перед государством, школой, семьей.

Надо отметить, что 60 % учащихся

5-го класса саранской школы, каждый второй городской и каждый третий сельский учащийся 6-го класса не могли ответить на этот вопрос.

Наиболее типичной формой суждения об ответственности перед коллективом для пятиклассников является ответственность за выполнение поручения. Причем они стараются, раскрывая смысл нравственных проявлений, приводить собственные примеры. Для шестиклассников суть данного понятия сводится к неудовлетворению, если что-то не сделано для коллектива класса. Для старших подростков — это ответственность не только за знания, но и за поступки товарищей, взаимопомощь, обязанность каждого. Для семиклассников как города, так и района характерен высокий процент не ответивших на этот вопрос — 47 — 54 %.

Раскрывая нравственный смысл понятия «сотрудничество на уроке», пятиклассники сводят его к сотрудничеству с учителем, подсказке друг другу, суждения шестиклассников сводятся к помощи, переживанию за товарищей, старшие подростки особую роль отводят работе с учителем.

Говоря об отношении к успеху товарища, надо отметить, что у пятиклассников это радость за него, у шестиклассников появляется зависть, у старших подростков в равной степени присутствует и то, и другое.

Раскрывая ведущие проявления отзывчивости, одни школьники указывали, что это доброта, сочувствие, помощь, другие акцентировали внимание на необходимости отзываться на чужую беду, желании помочь, не бросать друга в беде.

Нравственный смысл общественной активности как качества личности у одних сводится к активности в обществе, участию в делах класса и школы, у других — к работе, помощи.

Особо хочется остановиться на анализе ответов об участии в обсуждении вопросов о человеческих отношениях, поведении людей. Учащиеся 5 — 6-го классов г. Саранска и 90 % учащихся 7-го класса г. Инсара не ответили на этот вопрос. К сожалению, сегодня

мало обращается внимания на исследование процесса усвоения нравственных норм. На практике игнорируются условия перехода сложившихся в обществе норм нравственности во внутренний мир личности. Отношение к воспитанию как к своеобразному тренингу, механическому внесению в объект воспитания тех или иных нравственных черт вне зависимости от позиции личности, ее потребностей и интересов приводит к тому, что от самого факта участия школьника в «воспитательных» мероприятиях автоматически ожидается положительный результат. Некоторые педагоги рассматривают процесс усвоения подростками нравственных норм как рациональное уяснение индивидом должного.

Это предполагает апелляцию только к разуму личности, ориентацию на разъяснение, словесное убеждение, абсолютизацию вербальных форм воздействия. Такие воспитатели раскрывают процесс усвоения нравственных норм по аналогии с правовыми.

Формирование высоких нравственных устоев зависит от организации учебно-воспитательного процесса, важным условием которого является постановка школьников в позицию активных, сознательных и творческих личностей, привлечение их к конкретной деятельности, обеспечивающей усвоение знаний в области морали и рождение нравственных отношений, адекватных общественному значению этой деятельности.

НАУКА И ПРАКТИКА

История

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

В. А. БАЛАШОВ, В. А. ЮРЧЕНКОВ,
кандидаты исторических наук

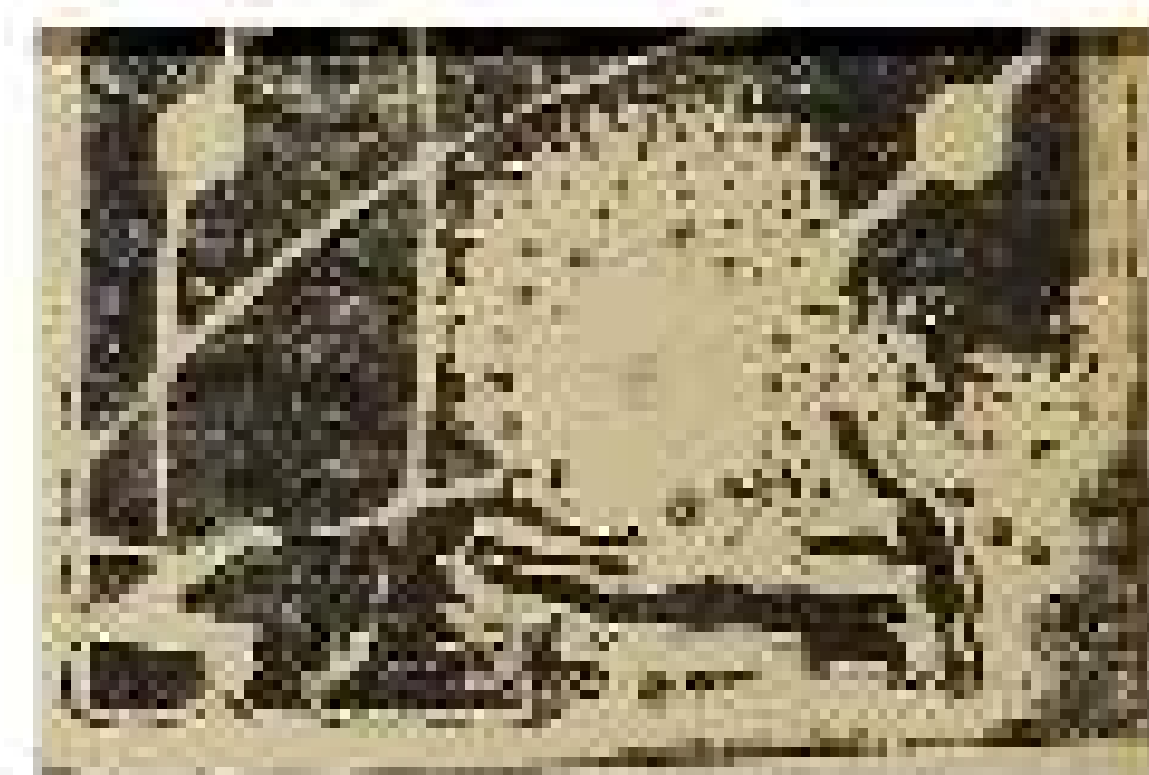
В наше время — время дискуссий, плюрализма мнений и конфронтации позиций — вряд ли можно выделить какую-либо область человеческих знаний, которая не была бы охвачена очистительными ветрами перемен, не оказалась бы вовлеченной в глубокий процесс перестройки. Не является исключением и история нашего государства, отдельных его регионов.

Философия истории XX в. выработала парадоксальное мнение об исчезновении исторической науки, которое, естественно, не воспринимается ее представителями. Серьезные возражения вызывает и тезис о конце истории как таковой (см.: Фукуяма Ф. Ко-

нец истории? // Вопр. филос. 1990. № 3. С. 134 — 135). Но, анализируя состояние региональной исторической науки, в том числе мордовской, порой ловишь себя на мысли, что философы правы.

О достижениях исторической науки написано довольно много. И нам не хочется повторяться, тем более, что успехи на виду. Поговорим о проблемах, о болезненно острых вопросах исторического знания в республике.

В результате многолетнего господства «едиственно верной» идеологии наша наука претерпела существенные деформации. Властвовавший долгие годы экономический детерминизм, возведенный в методологический абсолют,

привел к тому, что история, ее многообразие, неповторимость и уникальность многих исторических реалий были сведены к «унылому» развитию производительных сил и производственных отношений. Наиболее губительно последствия подобного подхода проявились на местах. Сложившаяся в результате многолетних трудов И. И. Смирнова, В. Н. Майнова, Г. П. Петерсона, М. Е. Евсеева, Н. Калачова политическая история мордовского края прекратила свое существование. Приоритетное право на освещение получили вопросы, связанные с классовой борьбой и колонизацией края. Ни в одном из фундаментальных трудов по истории Мордовии читатель не найдет массы интереснейших фактов политической жизни региона. Он ничего не узнает, например, о том, что в XVII в. воеводами в городах края были видные военные и политические деятели того времени К. П. Нарышкин (кстати говоря, дед Петра Великого по материнской линии), М. А. Ртищев, И. Ф. Волкопский и др. Не узнает он и о том, что в XVIII столетии Мордовия стала местом ссылки многих оппозиционеров, что Петр I сослал в Саранск одного из Лопухиных — участника неудачного заговора, что Инсарская Тумоловская обитель была местом нахождения политических преступников в черные для России времена «бирюзовщины». Таких фактов множество.

Говоря о политической истории мордовского края, отметим, что и на том, что сделано, лежит печать заданности, обусловленная все тем же идеологизированным подходом. Проблемы, связанные с крестьянскими войнами XVII — XVIII вв., движениями крестьян и рабочих людей в XIX в., тремя российскими революциями, гражданской войной, коллективизацией, освещены с позиций «классового» подхода. Факты, противоречащие ему, либо умалчиваются, либо искажаются. Читатель не найдет сведений о том, что один из разинских сподвижников М. Харитонов сжег практически весь Саранск, а ведь в городе проживали

не только представители «господствующих» классов. При этом порой игнорируется и точка зрения класса, от имени которого выступает исследователь. Например, до настоящего времени никто из историков не объяснил существующую в мордовском фольклоре негативную оценку Степана Разина, тогда как по логике классического подхода это личность положительная.

Подчеркивая необходимость создания очерков по политической истории мордовского края, мы осознаем, что даже в случае успеха отставание исторической науки в республике вряд ли будет преодолено. Она не поднимется до уровня современных требований, ибо одна из основных тенденций развития мировой историографии заключается в коренной ломке традиционной тематики. Центр переместился, по выражению американского историка Л. Стоуна, с «окружающих человека обстоятельств на человека в исторически конкретных обстоятельствах» (см.: Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопр. истории. 1991. № 2 — 3. С. 21). Кстати говоря, к этой важной методологической мысли в России пришли еще на рубеже веков. Не случайно В. С. Соловьев писал: «... общество есть дополненная им расширенная личность, а личность — сжатое, или сосредоточенное, общество» (Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. I. С. 286).

Мышление глобальными категориями «производительных сил» и «производственных отношений», «классов», «светлого будущего» привело нас к обезличенной истории. В наших книгах действуют «группы людей» и «исторические общности», а не конкретные личности, самобытные и неповторимые. Мы отказались даже от такой категории, как «национальный герой». Неужели среди мокшан и эрзян, русских и татар, проживающих в нашем крае, не было людей, оставшихся в памяти народной? Да были же! Это князья Пургас и Баюш, Балнев, Алена Арзамасская, Асан Карачурин,

Несмеянн Васильев, Кузьма Алексеев и др.

Отказ от личностного фактора привел к игнорированию бытовой истории. Мы очень мало знаем о том, как жил народ, каковы были его ценностные ориентации, что окружало людей в их повседневной жизни. У нас нет разработок по социальной психологии — одному из приоритетнейших направлений современной мировой исторической мысли.

Впрочем, в региональной историографии существуют исторические портреты. Особенно характерны они для работ по истории Октябрьской революции и гражданской войны. Но взгляды в них объективны. Вот, например, один из активнейших борцов за установление Советской власти в Саранском уезде Ф. Каплев. Его заслуги в этом процессе неоспоримы, но оценка его деятельности неожиданно негативна. Почему? Дело в том, что какое-то время он примыкал к меньшевикам, а это с точки зрения партийности науки «грех великий». В отличие от Ф. Каплева председатель Саранской уездной ЧК Б. Дель состоял только в рядах большевистской партии, кроме того, он неоднократно обращался к В. И. Ленину, и тот делал на его письмах пометки. Исходя из этого его деятельность оценивается положительно, а ведь это был человек, деяния которого нанесли существенный ущерб Советской власти, фактически дискредитировали ее в глазах многих людей.

Классовый подход, пренебрежительное отношение к интеллигенции (до сих пор живо выражение «гнилая интеллигенция») привели к тому, что нет у нас и истории культуры края. Благодаря усилиям И. Д. Воропина мы знаем о Саранской живописной школе, о Макаровых, о литераторах края, и этим наши познания исчерпываются. А ведь существовала еще иконописная школа в Пайгармском монастыре, в Мордовии творил Филарет Былинин — один из крупнейших провинциальных архитекторов и живописцев России на рубеже XVIII — XIX вв.

А что мы знаем о книжном мире нашего края, о сокровищах монастырских и дворянских библиотек, погибших под топорами современных вандалов, о типографиях, существовавших практически во всех городах Мордовии? А национальная культура, наконец? Какие процессы в ней происходили и происходят, под влиянием каких факторов она развивалась?

Классовый подход должен был бы способствовать созданию фундаментальных разработок по истории классов региона. На деле же история крестьянства Мордовии создается с большим трудом (вышли два тома, охватывающие советский период), а на разработку истории рабочего класса, интеллигенции не хватает сил. Мы уже не говорим об истории господствующих классов, без знания которой социальная структура региона представляется весьма схематичной. Следует иметь в виду

но лишь на основе анализа ее взаимодействия — диалога, по М. М. Бахтину, — с иными народами. «Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться» (Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 294).

Несколько слов о понятийном аппарате. Мы привыкли употреблять общесоциологические понятия «класс», «государство», «собственность», «феодализм», «капитализм», «социализм» в их марксистской интерпретации, между тем многие философы и историки выделяли доминирующий в марксизме мифологизирующий категориальный момент. Например, Н. А. Бердяев писал: «Маркс создал настоящий миф о пролетариате. Миссия пролетариата не есть только наука и политика, он есть также вера, религия» (Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 83). Аналогичная ситуация складывается и по отношению к иным историческим реалиям. В результате резко сузилась возможность их толкования, исторический процесс в какой-то мере унифицировался. Допустим, при анализе феодализма у мордвы выискивались черты, отсутствующие у этого состояния общества и в Западной Европе, и в Азии. Между тем гораздо больший интерес представляют специфика формации в крае, ее конкретные национальные проявления.

Все вышперечисленное позволяет сделать вывод о наличии кризисных явлений в исторической науке республики и необходимости ее перестройки (в некоторых направлениях исследований и перестраивать нечего), создания собственной научной школы исторической мысли, в основу изысканий которой будут положены важнейшие методологические принципы любого подлинного знания — объективность и поиск истины.

Основными направлениями деятельности историков в ближайшие годы, на наш взгляд, должны быть следующие:

— написание очерков политической

истории Мордовии как дореволюционного, так и советского периода;

— широчайшая популяризация истории Мордовии и проживающих в ней народов;

— выявление личностного аспекта в исторических реалиях и поиски нового подхода на основе этого к проблемам социальной структуры региона;

— исследование истории культуры и быта, разработка проблем социальной психологии.

лизовал об уровне достоверности того или иного документа. В качестве такого индикатора может выступить устная история народа, в связи с чем перед учеными, общественностью встает задача сбора и записи воспоминаний. Конечно же, воспоминания собирались, и в архивах их немало, однако запись шла, как правило, к «датам» и обращались в основном к памяти старых революционеров, председателей колхозов, активистов и т. д. Нет голосов рабочих, крестьян, интеллигенции. Подчеркивая роль воспоминаний в освещении исторического прошлого, мы понимаем, что этот источник носит ярко выраженный субъективный характер. Быть может, ситуация изменится в связи с претворением в жизнь Указа Президента России Б. Н. Ельцина об архивах партии и органов госбезопасности, свободный доступ к которым позволит выявить новые факты, способные «перевернуть» историю края, особенно советского периода.

Необходимо, на наш взгляд, и новое методическое оснащение исторической науки. Большинство наших коллег понимает насущную потребность использования математики в исследованиях. Математические методы открывают широчайшие возможности, особенно по тем направлениям деятельности, где традиционная методика практически ничего не даст. Их использование ставит проблему междисциплинарного сотрудничества, которое, на наш взгляд, просто необходимо. И не только с математиками, но и с географами, климатологами, биологами, почвовед-ми.

Необходимым условием внутренней ломки в исторической науке республики является, на наш взгляд, изменение отношения к немарксистской историографии и включение в процесс развития мировой исторической науки. Сегодня мало кто из историков знаком с фундаментальными работами У. Хар-вы-Хомберга о религиозных воззрениях мордвы, А. Хямяляйнена о быте восточных финно-угров, А. Каппелера о политической и социально-экономической истории региона. Сложившуюся ситуацию необходимо менять, коренным образом.

Среди неотложных мер, которые смогли бы, как нам представляется, изменить создавшееся положение, мы бы выделили:

- проведение научно-практической конференции по проблемам исторической науки и исторического краеведения в Мордовии;

- организацию дополнительных статистико-этнографических экспедиций в районы внегосударственного проживания мордовского народа, т. е. диаспор;

- установление более тесных научных контактов с историками, культурологами Финляндии, Венгрии и ряда других стран, интересы которых связаны с проблемами финно-угроведения, в частности мордововедения.

Выступая с данным анализом современного состояния исторической науки в регионе, мы не претендуем на истину в последней инстанции, однако названный круг проблем весьма волнует нас, и мы хотели бы услышать мнение и коллег, и читателей по их поводу.

ЦЕННОСТНО-ОЦЕНОЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Д. Е. ФРОЛОВ, кандидат философских наук

Анализу различных сторон социальной активности личности (ее сущности, структуры, детерминации, основных форм проявления, методике социологического исследования) посвящено значительное число работ советских и зарубежных ученых. Возросла актуальность и практическая значимость этой проблемы. На этапе кардинальных преобразований общества активность поставлена в ряд важнейших черт морали советского человека.

Существует большое многообразие взглядов в понимании этого феномена. Наиболее распространенными являются точки зрения, в которых социальная активность определяется как «любая деятельность» (Ю. И. Быков, В. Н. Вьюжанин, Г. С. Григорьев), «особая форма проявления (или вид) деятельности» (Г. С. Арефьева, В. Д. Шапиро), «совокупность актов или действий» (М. В. Дёмин), «акт перехода возможности в действительность» (А. И. Крупнов, А. П. Прядин), «устойчивое свойство личности» (Р. Г. Апресян, В. С. Липицкий, В. Г. Мордкович), «мера деятельности» (Е. А. Ануфриев, В. А. Смирнов, А. И. Сухарев).

Идеологизированность дефиниции. Представители разных наук (социологии, теории социализма, этики, эстетики, психологии, педагогики и др.) определяют социальную активность по-разному, в зависимости от целей и задач той или иной науки. Они вскрывают отдельные существенные черты этого явления, рассматривают его односторонне. Нередко их подходы альтернативны. Неоднократно предпринимались усилия по сближению разных позиций на основе объединения наиболее продуктивных положений каждой из них. Своеобразный

итог двадцатилетнему теоретическому поиску в этом направлении подвели авторы совместного исследования девяти стран (Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Чехо-Словакии, СССР), осуществленного в конце 80-х годов (см.: Социальная активность трудящихся масс в условиях социализма. М., 1987. 368 с). Однако и в этом труде не была выработана единая концептуальная основа. Эkleктическое сочетание разных взглядов на сущность проблемы и чрезмерная идеологизированность негативно отразились на решении конкретных задач. Без ответа остались многие принципиальные вопросы:

</

тивности», некоторые философы попытались подвести это понятие под другое, якобы более широкое — «активность материи» (см.: Мордкович В. Г., Поныкалов В. В. Активность как философская категория // Социальная активность личности. Волгоград, 1978. Вып. 2. С. 3 — 17). Но активность личности является целостной социальной системой. Для анализа таких систем, ограниченных в пространственно-временном интервале, непродуктивны абстрактные рассуждения об активности материи в целом.

В частности, применительно к конечным материальным системам нельзя абсолютизировать самодвижение и самодетерминацию. Такие системы выступают одновременно компонентами более сложных систем. Они всегда сосуществуют с подобными себе или иными системами и испытывают воздействия извне. Самодетерминация конкретных систем состоит лишь в том, что они преобразуют, ассимилируют внешние воздействия, исходя из своих внутрисистемных целей или внешних функций.

Кроме того, когда мы имеем дело с конкретными системами, их активность всегда предполагает определенный уровень своего проявления. Всегда имеется в виду какой-то относительно высокий или относительно низкий уровень этой активности. К материи же в целом такое разграничение уровней неприемлемо. О материи никогда нельзя сказать, что она высокоактивна или низкоактивна, потому что в ней одновременно реализуется бесчисленное множество различных количественных и качественных уровней активности.

На наш взгляд, методологический путь решения проблемы должен быть иным. Верно, что категорию «активность материи» можно определить только через категории «материя» и «самодвижение материи». В таком случае активность есть всеобщее атрибутивное свойство материи, заключающееся в ее способности к самодвижению и проявляющееся в нем (см.: Крестьянский В. И. К анализу по-

нятия активности материальных систем // Вopr. философии. 1969. № 10. С. 54 — 63).

Но понятие «социальная активность» имеет иное содержание. Его следует определять на основе соотношения с понятиями «социальная деятельность», «субъект деятельности», «условия деятельности», «социальная пассивность». Предстоит также сопоставлять разные уровни активности. Для этого необходимо ввести понятие, отражающее процесс деятельности в любой ограниченный отрезок (момент) времени. Им может выступать, по нашему убеждению, понятие «состояние социальной деятельности». Оно выражает деятельность человека в единстве всех количественных и качественных сторон при доминировании процесса преобразования предмета в определенный отрезок времени, в конкретных общественных условиях.

В общепhilosophическом плане понимание категории «состояние» (как «доминирующего способа реализации бытия объекта» в определенных пространственно-временных условиях) близко к концепции, разработанной саранскими

жения социальной деятельности.

При конкретно-социологическом рассмотрении этого вопроса необходимо выделить совокупность параметров, количественно и качественно характеризующих любые состояния деятельности, а также допускающих математическую обработку. Это создаст возможность построения математических моделей, использования математического аппарата и ЭВМ при проведении социологических исследований.

3. Социальная активность любого субъекта имеет свою меру — меру *своего существования*. Ее верхние «оптимальные» границы фиксируют такой уровень активности социального субъекта, при котором он оптимально использует свои способности и имеющиеся условия для осуществления деятельности ($C_1 = C_*$), а нижние границы показывают нулевое их использование ($C_1 = 0$).

Кроме оптимальных существуют, вероятно, еще несколько верхних (предельных) границ активности. На их уровне человек может поддерживать свою жизнедеятельность лишь ограниченное время, рамки которого зависят не только от социальных условий, но и от резервов организма. Например, известно, что в экстремальных условиях человек может трудиться несколько суток без сна, отдыха и пищи. Это работа «на износ», в конечном счете она подрывает здоровье и сокращает продолжительность жизни. У каждого есть предел возможностей. Он зависит от состояния здоровья, возраста, а также от эмоционального настроения в данное время.

4. Следует различать понятия «оценочное отношение» (оценка) и «оценочный процесс» (оценивание). *Оценивание* состоит из: 1) формирования оснований сравнения (эталонов, критериев), 2) способов сравнения (шкал), 3) набора основных первичных показателей, 4) самих процессов сравнения, 5) выбора наиболее полезного с точки зрения субъекта (или общества) в конкретных условиях.

Оценочный процесс может осуществляться по прямым или косвенным

показателям. Например, профессиональные качества работника непосредственно оцениваются по уровню квалификации, информационной насыщенности его трудового процесса и наличию творческих элементов, а опосредованно — по степени выраженности синдромов его психофизиологических (личностных) свойств, соответствующих успешному выполнению данного вида деятельности (см.: Кочкина Н. В. Количественная оценка содержательности труда: М., 1987, С. 7).

5. Социальные оценки помогают личности осуществить выбор между различными ценностными альтернативами, ведущими к намеченной цели. Они играют также важную роль при формировании системы ценностей общества. Все ценностные явления возникают и существуют только при наличии социальных оценок. Например, ценностное отношение (т. е. общественно принятая общая положительная значимость того или иного явления) возникает

деляет доминирование тех или иных видов активности, уровень их интенсивности, их социальную направленность и т. д.

Подводя итог нашим рассуждениям, можно заключить, что социальная активность личности есть сложное и многогранное социальное явление. Ее главный отличительный признак — наличие особой связи личности с об-

ществом, выражающейся в форме оценочного отношения. При этом оценка процесса деятельности осуществляется как обществом, так и самой личностью. Мотивация социальной активности в значительной степени обусловлена ценностной ориентацией личности. Таковы исходные положения аксиологической (ценностно-оценочной) концепции социальной активности личности.

ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

В. И. КЕМКИН, доктор философских наук,
Б. С. ГНАТЮК, кандидат философских наук

Научные теории, их строение с необходимостью отражают с той или иной степенью адекватности структуру развития. Это обусловлено атрибутивностью развития; его принадлежностью всем структурным уровням материи.

Структура развития в наиболее общем виде выводима лишь в логике диалектических понятий. Она может быть представлена «сеткой» понятий «объект-состояние» — «переходное состояние» — «связь состояний». Действительно, любой фрагмент реальности возникает и первоначально обнаруживается в особом качестве, в котором старые противоречия сняты, а новые, в силу их неразвитости, еще не различимы. В этом особом состоянии материальных вещей и явлений, вовлеченных в процесс практической и духовной деятельности людей, снято прежде всего противоречие дифференцированности и целостности в организации систем и структуре процессов.

В мышлении данное состояние фиксируется в качестве исходного момента познания — момента «слитости», неразличимости представлений (понятий) об объекте и его состоянии как способе обнаружения бытия. «То, что

начинается, уже есть, но в такой же мере его еще и нет ... начало есть из (бытия и небытия. ... Аристотель) неразличенное единство» (Гегель. Наука логики. М., 1971. Т. 1. С. 131). Другими словами, освоение тех или иных фрагментов действительности начинается с единого основания (субстрата), по отношению к которому множество разнокачественных предметов выступает как множество однокачественных объектов (например, в структурном, генетическом или структурно-генетическом аспектах). Подобное множество однокачественных вещей, познающееся как результат объектно-субъектных отношений, по Гегелю, «сводится до состояний».

Рассмотренное выше состояние отражается в понятии «объект-состояние». Оно «снимает» объектно-субъектные противоречия и указывает, что в «исходных пунктах» действительности (возникновение качественно новой вещи) и познания внутрикачественное движение не дифференцируется и не различается, хотя и наличествует. По отношению к миру в целом эта относительная недифференцируемость, неразчлененность поглощается в субстанциональности материи, а

понятие «объект-состояние» редуцируем в понятие «объект»; «переходное состояние» — в «состояние», «связь состояний» — в закон (последнее связано с тем, что в теоретических системах исследуются прежде всего закономерные связи состояний).

Конкретизация указанных понятий обусловлена природой исследуемых объектов (физических, химических, биологических и др.) и осуществляется в рамках конкретнаучных теорий.

Таким образом, развитие, эволюция материи как иерархически организованное изменение состояний, выраженное в логике диалектических понятий схемой «объект-состояние» — «переходное состояние» — «связь состояний», приводит к необходимости признания того, чтобы в процессе научного познания «...был исследован весь ряд известных состояний, последовательность их и связь» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 166—167).

Филология

ТЮРКИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

И. Д. БИККИНИН

Контакты народов невозможны без контактов языков, что наиболее ярко проявляется в заимствованиях. Языки тюркских народов оставили множество следов в самых различных языках. Немало тюркизмов и в английском языке, имеющем мировое значение.

Согласно различным источникам, их насчитывается от 10 до 800. Мы считаем наиболее точной цифру 400, причем 55 % составляют этнографические реалии, 26 относятся к общественно-политической лексике, 19 % являются природными реалиями. Эти заимствования входят в научную терминологию, встречаются в основном в общественно-политической и специальной литературе, поэтому большинство слов известно довольно узкому кругу лиц.

Слова тюркского происхождения начали проникать в английский язык с конца IV в., когда гунны-тюрки покорили предков англичан — англов и саксов. В процессе развития английского языка большинство слов тюркского происхождения были вытеснены общегерманской либо старофранцузской лексикой. Проникновение тюркизмов в древнеанглийский язык происходило и через язык варягов-скандинавов в

эпоху скандинавского владычества над Англией (известно, что варяги активно контактировали с тюрками и наверняка заимствовали у них какие-то понятия).

Прямые контакты англичан с тюрками возобновились только во времена крестовых по

языки (языки столь древних культур) могли что-то заимствовать у тюрков. А между тем в арабском и персидском языках существуют значительные пласты тюркской лексики.

Много тюркизмов пришло в английский через арабский, персидский и индийский языки. Европейские этимологи обычно не учитывают то влияние, которое оказали контакты с тюрками на эти языки. Первыми тюркскими поселенцами в Египте и Сирии были огузские племена туркменоз. Начиная с X века в Египет разными путями прибывают кипчакские племена, постепенно изменяя языковую обстановку. В результате прихода к власти мамлюкского султана Айбека в 1250 г. государственным языком Египта становится кипчакский, вплоть до 1517 г. процветает литература на кипчакско-огузском языке.

Лексика персидского языка также испытала сильное влияние тюркизмов. В тюрко-персидских государствах, существовавших в X—XVI вв. на территории Ирана, Средней Азии и Индии, сложилась своеобразная языковая ситуация, когда языком науки и религии был арабский, языком литературы и канцелярским — персидский, а при дворах шахов, султанов и в армии в основном употреблялся тюркский язык. За несколько веков большая часть тюрков, живших в Иране и Индии, была ассимилирована персами и индийцами. При этом, естественно, в персидский и индийский языки попало очень много тюркских слов. Знаменитый путешественник Афанасий Нихитин, зная кипчакский язык, свободно жил сначала в Иране, затем перебрался в Индию. У него не было особой необходимости изучать местные языки, так как в тот период там можно было всюду объясняться на тюркском языке.

Одним из путей проникновения тюркизмов в английский язык стало заимствование им индийских слов. Причем наиболее интенсивно этот процесс проходил в XVI в., когда были основаны первые английские фактории в Индии, и в XIX в., когда Индия стала

колонией Британской империи. Из различных индийских языков в английский попало сорок слов тюркского происхождения.

Свыше шестидесяти тюркизмов проникло в английский язык при посредничестве русского языка, несколько слов заимствованы из польского. Тюркизмы *coach*, *hajduk*, *kivász*, *vampire* пришли в английский язык из венгерского при посредничестве немецкого и французского. Одним из самых употребляемых тюркизмов в значении «большая крытая телега» является слово *coach* (оно имеет много других значений: вагон, автомобиль, тренер, репетитор и т. д.). Большинство этимологических словарей указывают, что перво

ния. Первый английский посол в Турции Уильям Харнборн положил начало прямому проникновению турецких слов в английский язык. В Турции были созданы английские колонии, построены англиканские церкви. Английские писатели начали активно употреблять в своих произведениях восточной тематики тюркские слова.

В XIX в. тюркизмы, в основном турецкого происхождения, начинают проникать не только через описания путешественников, дипломатов и торговцев, но и через прессу. В 1874 г. в Стамбуле выходили две газеты на английском языке — «The Levant Herald» и «The Levant Times». Заимствования из турецкого языка составляют большую часть тюркизмов, попавших в английский язык. Это объясняется тем, что из всех тюркских государств именно Турция имела самые интенсивные и широкие связи с Англией.

В английском языке есть немало тюркизмов, заимствованных при прямых контактах англичан с другими тюркскими народами — азербайджанцами, татарами, узбеками, казахами. В 1558—1559 гг. англичане начинают использовать Волжский торговый путь, только что попавший в руки Московского государства, для выхода в Индию через Иран. В 1558 г. английские коммерсанты побывали в Казани, Астрахани, на полуострове Мангышлак, в Баку, Бухаре и Самарканде, открыв дорогу большому числу путешественников. В 1625 г. опубликованы впечатления от путешествия по Каспийскому морю Антони Шерли и Уильямса Париса. В 1858 г. издается книга путешествий Томаса Аткинсона, побывавшего в Казахстане. К началу XX в. почти все медные, полиметаллические, угольные копи на территории Казахстана находились в руках английских капиталистов. Дневники, отчеты, письма англичан, побывавших в Поволжье, Закавказье,

Средней Азии и Сибири, переполнены тюркизмами, отражающими понятия и реалии, ранее неизвестные англичанам, которым не существовало эквивалентов в английском языке.

Большинство тюркизмов, попавших в английский язык до XIX в., уже вышло из употребления. Основную массу сохранившейся лексики составляют экзотизмы или этнографизмы. Они не имеют эквивалентов в английском языке и не вступают в синонимические отношения с исконными словами; употребляются они большей частью при описании флоры, фауны, быта, обычаев, общественно-политической жизни и административно-территориального устройства тюркского региона. Однако есть немало тюркских заимствований, относящихся к общеупотребительной лексике. Некоторые тюркизмы, например *bosh*, *caviare*, *coach*, *hodge*, *jackal*, *kiosk* и некоторые другие,

К ПРОБЛЕМЕ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВИДА И ОТНОСИТЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ

В. В. ШИГУРОВ, кандидат филологических наук

В традиционной русской грамматике вид и относительное время признаются наиболее яркими глагольными признаками деепричастий. Считается, что деепричастия, как и личные формы глаголов, обладают единой видо-временной подсистемой, поскольку видовые и временные оттенки у них тесно переплетены. Вид трактуется при этом как самостоятельная категория. Что же касается относительного времени, то его лингвистический статус до конца не определен. Есть два основных мнения на этот счет. Одно из них, более распространенное, сводится к отрицанию наличия у деепричастий грамматической категории времени. В разных вариациях эта точка зрения представлена в работах Л. Я. Браве, В. В. Виноградова, И. Г. Голанова, А. В. Бондарко, в трех последних академических грамматиках (1952, 1970, 1980). Утверждается, что временной план деепричастного действия в целом задается категорией вида. Широкое признание получила таксисная концепция вида деепричастий. Целесообразно остановиться на этом несколько подробнее.

Термин «таксис» введен в научный оборот Р. О. Jakobsonом как греческий прообраз используемого Л. Блумфилдом термина «order» («порядок»). «Таксис, — пишет Jakobson, — характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» (Jakobson Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 101). Речь идет о разных типах отношений между сообщаемыми фактами — логических, хронологических, собственно аспектуальных. Деепричастие, по мнению ученого, представляет собой

форму выражения зависимого таксиса в русском языке.

Таксисная концепция была положительно воспринята ведущими современными аспектологами. Так, Ю. С. Маслов уточняет, что таксисные значения одновременности, предшествования и следования (т. е. хронологического типа) не являются ни темпоральными, ни аспектуальными, а лежат содержательно «между» ними. В ряде языков они не образуют грамматической категории и включаются в категорию времени или в категорию вида. Однако то, что значения такого рода регулярно возникают при взаимодействии видовых форм, позволяет, по мнению Ю. С. Маслова, рассматривать таксис как одну из важнейших функций глагольного вида

сводится к поглощению первого вторым. Наиболее последовательной в этом вопросе представляется позиция Л. Л. Буланина, который усматривает в деепричастиях самостоятельную грамматическую категорию относительного времени. Данная категория, по мнению автора, манифестируется оппозицией двух формально выраженных значений — одновременности (-а) и предшествования (-в), ср.: *рисует и нарисовал* (см.: Буланин Л. Л. Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика / ЛГУ. Л., 1983. С. 109).

Исходя из этого деепричастную форму на -а, разумеется, с известной степенью условности, можно назвать «формой одновременности», а форму на -в — «формой предшествования». Передаваемые ими значения являются собственно грамматическими. Вместе с тем первая форма может приобретать в контексте переносное значение предшествования и следования (см. примеры выше), а вторая — одновременности (*Он сидит, облокотившись на спинку стула*) и следования (*Он бросил папиросу, растоптал ее двумя ударами ноги*). Ср. устойчивую формулу: форма настоящего времени личного глагола выражает значение настоящего времени и т. п. Кроме того, с этими же структурными элементами (-а, -в), как отмечали З. М. Волоцкая и др., связано и образование самого деепричастия, т. е. значение «деепричастности». А. М. Пешковский утверждал, что деепричастия обладают специальной формой деепричастия. Л. Л. Буланин интерпретирует данное замечание в том смысле, что морфемы -а и -в у деепричастий являются средством выражения полупредикативной репрезентации глагола, т. е. обозначения действия как сопутствующего другому действию (Буланин Л. Л. Указ. соч. С. 104, 110).

Признавая самостоятельный характер категории времени у деепричастий, З. М. Волоцкая и др. (Опыт описания

русского языка в его письменной форме. М., 1964. С. 118) используют понятие «категория временной последовательности». По нашему мнению, оно не совсем удачно. Указание на временную последовательность действия, на первый взгляд, говорит, что речь идет о значениях предшествования и следования, но никак не о значении одновременности. Между тем в действительности рассматриваемая категория предполагает значения предшествования и одновременности. Термин «категория относительного времени», предложенный Л. Л. Буланиным, являясь в этом смысле более удачным, ибо он точнее характеризует деепричастное время, указывая на его отношение к грамматической точке отсчета — моменту совершения другого действия (

ализован соответственно в виде таксисных микрополей — конкретной (узкой), расширенной и постоянной одновременности, предшествования (аористического и перфектного типа) и следования (ср. их соотносительность с темпоральными микрополями конкретного, расширенного, постоянного настоящего). При подобном подходе к полю таксиса оно будет обнаруживать большее структурное сходство с

такими функционально-семантическими полями, как аспектuality, темпоральность, модальность и др., также базирующимися на определенных грамматических категориях. Не подлежит сомнению тот факт, что в выражении аспектualityных микрополей вроде конкретно-процессорного, неограниченно-кратного и проч. принимают участие не только личные формы глагола, но и деепричастия, причастия, инфинитивы.

Архитектура и строительство

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СЕЛЬСКОМ ЖИЛИЩЕ МССР

В. Ф. ВАВИЛИН, кандидат исторических наук

В народном зодчестве всегда в той или иной степени присутствуют традиции, в том числе и национальные, которые в процессе его развития и совершенствования постепенно изменяются под влиянием познаний, являющихся постоянным источником их обновления. Однако и в современном сельском жилище ярко проявляются характерные черты бытового уклада многих поколений наших предков. Жилище и все, что с ним связано, — неотъемлемая часть материальной культуры любого этноса. Мордва, русские и татары, с давних времен проживающие в нашем регионе, вписали в историю народного зодчества самобытные, ставшие традиционными композиционные решения жилища, в основе которых лежит тонкий учет местных условий быта крестьянской семьи.

Традиционное народное жилище представляет собой достаточно сложный комплекс взаимосвязанных элементов: жилой дом, хозяйственные постройки и земельный участок, на котором они расположены. По такой схеме до сих пор возводятся на селе большая часть индивидуальных усадебных жилых домов. Строятся они без проектов на основе предшествующего опыта,

строительных навыков и национально-бытовых традиций. Жилые дома, как правило, одноэтажные, имеют архитектурно-планировочное, конструктивное решение, состав жилых и хозяйственных помещений, максимально адаптированные к социально-демографическим характеристикам и бытовому укладу сельских семей. Хозяйственно-бытовые постройки гармонично блокируются с жилым домом, образуя, в зависимости от местных условий и национа

домах они хотели бы жить. В большинстве домов, построенных по типовым проектам, затруднено ведение личного подсобного хозяйства. В них предусмотрены очень маленькие площади кухонь и других подсобных помещений, иногда отсутствуют постройки для содержания скота, птицы и хранения овощей. Если же таковые и имеются, то располагаются они в 200 — 500 м от жилых домов (так называемый санитарный разрыв).

Удаление жилого дома от подворья, недостаточное количество, малые размеры хозяйственных помещений, а иногда и полное их отсутствие — все как причина сокращения у сельских жителей поголовья скота и птицы или отказа от их содержания. Это также является следствием того, что при проектировании жилых домов для села не учитывается реальное количество семей, желающих содержать скот и

птицу в личном пользовании. Обычно эта цифра произвольно определяется самими проектировщиками. Между тем выборочный опрос семей, проживающих в типовых домах, свидетельствует о том, что большинство из них желало бы иметь в личном пользовании крупный, мелкий скот и птицу, если бы существовали более удобные условия для этого. Здесь очевидны все преимущества традиционной одноэтажной усадебной застройки, отвечающей современным потребностям сельских жителей.

Возвращение в сельскую жизнь веками сформировавшихся традиций, обогащенных современным содержанием, позволит привнести в архитектуру новые черты, не противоречащие сложившемуся эстетическому коду села — всей совокупности специфических признаков, устойчиво воспроизводившихся на всех этапах его развития.

БИОСТОЙКОСТЬ И БИОДЕГРАДАЦИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В. Т. ЕРОФЕЕВ, кандидат технических наук,
М. С. ФЕЛЬДМАН, кандидат биологических наук,
В. Г. ШАРОВ, инженер

Строительные материалы и изделия в процессе эксплуатации в гидротехнических сооружениях, животноводческих и птицеводческих помещениях, предприятиях мясо-молочной, сахарной, рыбной, кондитерской промышленности, овощехранилищах, кожевенных фабриках, плавательных бассейнах подвергаются разрушающему действию биологически активных сред. Практически все строительные материалы имеют ограниченное сопротивление биологическим воздействиям, в результате которых в материале накапливаются биоповреждения, приводящие к их деградации, нарушению работоспособности изделий.

Обследованием состояния конструкций, зданий и сооружений установлено, что долговечность полов на основе керамических плиток в жировом и кишечном цехах Целиноградского мясокомбината, а также в цехе варки колбас и студ

маж М. С. Биологическая коррозия некоторых полимерных материалов и защита от нее: (Обзор) // Противокоррозионная защита материалов. Горький, 1983. С. 26 — 38.

4. Александров А. А., Фельдман М. С., Александрова И. Ф. Сравнительное исследование протолитической активности микромикетов, вызывающих повреждение промышленных материалов // Микология и фитопатология. 1988. Т. 22, вып. 1. С. 44 — 50.

5. Александров А. А., Фельдман М. С., Высоцкая Л. Б. Ферменты миксциальных грибов как агрессивные метаболиты // Биоповреждения в промышленности: Межвуз. темат. сб. науч. тр. / ГГМУ. Горький, 1988. С. 3 — 19.

6. Биоповреждения строительных композиционных материалов / Селяев В. П., Соломатов В. И., Ерофеев В. Т. и др.: Мордов. ун-т. Саранск, 1990. 36 с.

7. Биотехнология. Принципы и применение. Пер. с англ. / Под ред. И. Хатгинса, Д. Баста и Дж. Джонса. М.: Мир, 1988. 480 с.

8. Ерофеев В. Т., Еггелъ В. П., Веселов А. П. Биосопротивление карбасных полимербетонов // Структурообразование, технология и свойства композиционных строительных материалов и конструкций / Мордов. ун-т. Саранск, 1990. С. 9 — 12.

9. Защита от коррозии, старения и биоповреждений машин, оборудования и сооружений: Справочник: В 2 т. / Под ред. А. А. Герасименко. М.: Машиностроение, 1987. 688 с.

10. Идышев В. Д., Бочаров Б. В., Горленко М. В. Экологические основы защиты от био-

повреждений. М.: Наука, 1985. 262 с.

11. Качевская Н. Г. Биологическое повреждение промышленных материалов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 230 с.

12. Колесов А. А. Ферментат

тал курс сов. лит. в обл. парт. школе и в пед. ин-те, редактировал альманах «Лит. Мордовия». В 1950 награжден орденом Трудового Красного Знамени. С 1951 по 1959 — председатель правления Союза писателей Мордовии, преподаватель Мордов. пед. ин-та. В 1957 перешел на осн. работу в открывшийся в Саранске Мордов. ун-т, где с 1961 по 1970 возглавлял кафедру рус. и зарубеж. лит., а затем был профессором-консультантом. Во 2-й пол. 30-х гг. сложилось преобладающ. направление его науч. поисков — история и культура родного края, судьба поэта-демократа А. И. Полежаева. В 1940 увидела свет первая книга В. «Новые данные о Полежаеве», в 1941 вышла монография «А. И. Полежаев. Жизнь и творчество». В 1954 эта книга в перераб. виде выпущена в Москве под назв. «А. Полежаев. Критико-биографический очерк» и дважды (1954 и 1979) переизд. в Саранске. В 1951 вышла книга В. «Литературные деятели и

литературные места в Мордовии» (переизд. в 1976). Первым обстоятельным краеведч. исслед. о столице Мордовии стала монография В. «Саранск. Историко-документальные очерки» (1961). Энциклопедией мордов. края явл. книга В. «Достопримечательности Мордовии. Природные, исторические, культурные» (1967 и 1982). К 150-летию акад. живописи И. К. Макарова В. подготовил книгу «Саранская живописная школа» (1972). Наряду с крупным литературоведч. и краеведч. трудами перу В. принадлежит более 100 ист.-докум. очерков о городах и памятниках культуры Мордовии, историч. личностях. Благодаря изысканиям В. наиболее значит. из памятных мест Саранска отмечены мемориальными досками. В последние годы жизни В. работал над материалами для задуманных им книг о связях Пушкина с мордов. краем, о саранских друзьях Герцена, о саранском торге 2-й пол. XVII в.

Соч.: Новые данные о Полежаеве / Под ред. А. Бихтера. Саранск, 1940; А. И. Полежаев: Жизнь и творчество. Саранск, 1941; Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1951 и 1976; Полежаев: Критико-биограф. очерк. М., 1954; Очерки и статьи. Саранск, 1957; **Воронин И., Остроумов В., Челмакин И.** Саранск — столица Мордовской АССР; Ист.-докум. очерки. Саранск, 1961; Достопримечательности Мордовии. Саранск, 1967 и 1982; Саранская живописная школа. Саранск, 19

* * *

ВУЛЬГАРНЫЙ СОЦИОЛОГИЗМ в литературоведении — система взглядов, вытекающая из одностороннего (вульгарного) истолкования марксист. положения о классовой обусловленности идеологии и приводящая к упрощению и схематизации ист.-лит. процесса. Осн. черты В. С.: установление зависимости лит. творч. от соц.-эконом. отношений, от классовой принадлежности писателя; понимание худож. творч. не как субъективного отражения объективного мира, а как пассивной фиксации действительности, стремления прямолинейно раскрыть в лит. образах общие полит.-эконом. категории, отождествлять содержание и цели худож. лит. с содержанием и целями обществ. наук, объяснять особенности строения фразы, метафоры и т. п. соц.-экон. факторами. В лит. соз. периода В. С. возник в 20-х гг., чему способств. антидемократическая обществ.-полит. обстановка. В период становления мордов. лит. критика и литературове-

дение подверглись влиянию В. С. Показательна в этом отношении вступительная статья первого мордов. критика А. Дунышина к сб. «Васень сятка» («Первые искры») под назв. «Сятктне яла кирвазить» («Искры разгораются»). Изв. писатель П. С. Кириллов в статье «Формализманть каршо» («Против формализма» — «Эрзянь коммуна», 1932. 2 марта) многих мордов. писателей провозглашает формалистами лишь на том основании, что они увлекались использованием междометий и звукоподражаний. Не имея объективной почвы, В. С. в мордов. лит. критике дальнейшего развития не получил, но некоторые его тенденции сказывались в мордов. критике, литературоведении и худож. лит. вплоть до 80-х гг. Следствием влияния В. С. в совр. мордов. лит. явл. преобладающая социальная и идеол. содержательность, господство классовой сущности жизненных явлений и человеческих характеров.

Лит.: Розенталь М. Против вульгарной социологии в литературоведении. М., 1936; Фадеев А. Литература и жизнь // За 30 лет. 2-е изд. М., 1959; Колганов И. Я. Формирование мордовского литературоведения и критики (1917 — 1956): Дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1979; Развитие мордовской критики и литературоведения // История мордовской советской литературы.

Саранск, 1971. Т. 2. С. 369 — 388; Мордовская литературная критика и литературоведение // История мордовской литературы: Учеб. для филол. ф-тов. Саранск, 1981. С. 361 — 375; Алешкин

тека-читальня. Первым общ. директором была местная учительница Е. Л. Токарева. К моменту открытия в Б. было всего 353 книги. Существовала на средства, полученные от благотворит. концертов, лотерей, частных пожертвований, процентов от кн. торговли. При Б. функционировал магазин учеб. лит. В 1909 в Б. было уже 910 читателей, кот. выдано 11950 книг. В 1918 она сливается с платной Публичной библиотекой г. Саранска (осн. в 1893), включается в гос. сеть библиотек. В 1921 становится Центральной

библиотекой Саранского уезда, с 1932 — областной, а с 1935 — республиканской. Сегодня фонд Б. насчитывает около 1,3 млн. документов. Ежегодно поступает около 60 тыс. ед. хранения, среди них около 1000 назв. журналов, около 50 назв. газет. Мордов. издания представлены полностью. Ежегодно Б. обслуживает 28 тыс. читателей всех категорий; работает межбиблиотечный абонемент. С 1959 издается «Летопись печати Мордовской АССР». Б. ведет орг.-методич. работу по руководству биол. делом.

Изд.: Летопись печати Мордовской АССР: Гос. библиогр. указ. (1959 — 1983). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959 — 1987 (ежегодник); Летопись о Мордовской АССР: Указ. лит. 1952 — 1971; Александр Иванович Полежаев: Краткий реком. указ. лит. Саранск, 1954; Сычков Федот Васильевич. Библиогр. указ. Саранск, 1955; Талантливый писатель Мордовии Петр Семенович Кириллов: Памятка. Саранск, 1956; История Мордовии в художественной

литературе: Беседа о книгах. Саранск, 1956. М. Е. Евсеев — ученый и педагог мордовского народа: Рек. указ. Саранск, 1958; Детская литература Мордовии: Указ. лит. Саранск, 1965; Писатели Советской Мордовии: Библиогр. справочник. Саранск, 1970; Инжеватов И. К. — ученый, педагог, писатель: Библиогр. указ. Саранск, 1987; Николай Лазаревич Иркаев (Никул Эркай): Библиогр. указ. Саранск, 1988.

Лит.: Крупнейшая в Мордовии // Библиотекарь, 1981. № 3; Фролов Ю. Имени великого поэта (К истории библиотеки) // Сов. Мордовия, 1981,

наречий и народностей», 1899; «Древнейшие судьбы русского племени», 1919). Это обусловило обращение Ш. к проблемам финно-угор. яз. и истории самих финно-угров, на протяжении многих веков соседствовавших с русскими. Закономерным результатом изысканий Ш. в области мордовских языков и фольклора стала публикация «Мордовского этнографического сборника» (1910), материалы для кот. были собраны в с. Оркино и Сухой Карбулак Саратов. губ. Его материалы послужили источником для исследований мордов. стихосложения и песенной метрики в

работах Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона. Очерк звуковых и мифологич. особенностей двух мордов. говоров, предложенный Ш. в «Мордовском этнографическом сборнике», стал первым рус. описанием эрзя-мордов. яз., воспроизведенного с достаточной адекватностью. С 1908 по 1916 поддерживал научные и личные контакты с М. Е. Евсевьевым. В 1915 Ш. составляет «Отзыв о работах М. Е. Евсевьева» для Российского Императ. геогр. о-ва, где дает высокую оценку исслед. деятельности мордов. педагога-просветителя и этнографа.

Соч.: Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910; Отзыв о работах

М. Е. Евсевьева // Отчет РГО за 1915 год. Пг., 1916. С. 72 — 74.

Лит.: Зеленкин Д. К. Саратовская мордва // Живая старина. 1910. Кн. 76, вып. 4. С. 305 — 312; Известия ОРЯС. 1922. Т. 25 (посвящен памяти А. А. Шахматова, опубликован список его печатных трудов); Виноградов В. В. А. А. Шахматов. Пг., 1922; А. А. Шахматова, 1864 — 1920: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947; Письма М. Е. Евсевьева академику А. А. Шахматову /

Публ. В. Базубова // Лит. Мордовия. 1958. № 15. С. 95 — 116; Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (Ранний период). М., 1976; Макаров В. И. А. А. Шахматов. М., 1981.

Архив: Научный архив АН СССР, ф. 134 (фонд А. А. Шахматова).

тель-инспектор, надворный советник И. З. Карачаровский, законоучителем числился священник А. А. Орловский, учителем рус. яз. — С. М. Сафронов, арифметики — надвор. советник И. Ф. Цыценко; истории и географии — А. Г. Кочкин; пения — П. П. Беззубов; музыки — А. И. Калистов. Известный краевед стат. советник Г. П. Петерсон состоял при уч-ще врачом. Дети не моложе 7 и до 10 лет всех званий, состояний и вероисповеданий принимались без приемного испытания, от 10 до 14 лет должны были знать при поступлении молитву господню, важней-

шие события из священной истории ветхого и нового завета, уметь читать и писать по-русски, а также считать. Дети 10 — 13 лет, успешно прошедшие четырехгодич. курс, могли без испытания поступать в первый класс гимназий и реальных уч-щ. По оконч. полного курса Г. У. выпускникам выдавался аттестат. За обучение в Г. У. взималась плата, размер кот. определял инспектор уч-ща в зависимости от благосостояния семей. Дети особо бедных родителей от платы освобождались. В 1912 Г. У. было преобразовано в высшее начальное муж. уч-ще.

Лит.: СЭС. М., 1990. С. 329; ЦГА МССР, ф. 55, оп. 1, д. 25, л. 65; Отчет Саранской городской управы за 1888, 1889,

1891, 1898, 1899, 1902, 1904 гг. Саранск, тип. Сыромятниковых; Воронин И. Д. Саранск. Саранск, 1961. С. 110.

В. И. ЛАПТУН

ЦЕРКОВНО ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ г. САРАНСКА. До рев. 1917 в г. Саранске насчитывалось три одноклассные Ц.П.Ш. — Троицкая, Казанская и Трехсвятительская. Открывались приходскими священниками на средства прихода, получали ежегодное пособие из городских средств в размере 150 руб. Главным назначением было утверждение православия и христианской нравственности, сообщ. первонач. знаний. Первой в 1887 была открыта Ц.П.Ш. при Троицкой церкви. В ней обучались как мальчики, так и девочки. Курс обучения первоначально был двухгодичным, а в начале XX в. стал трехгодичным. В 1888 обучалось 30 чел., в 1891 — 50 чел. В середине 90-х гг. открыта Казанская Ц.П.Ш. В 1898 общее кол-во уч-ся в обеих

ниц составляло 40 чел. Казан. школа была закрыта 23 авг. 1917, после рев.

упразднены Троицк. и Трехсвятит. Ц. П. Ш.

Лит.: Отчет о действиях Саранской городской управы за 1888 год. Казань, 1889. С. 7 — 8; Отчет Саранской городской управы за 1902, 1904, 1912 и 1914 гг. Саранск, тип. Сыромятнико-

вых; Церковно-приходские школы // СЭС. М., 1990. С. 1490; Правила о церковно-приходских школах / Пенз. епарх. ведомости. 1884. № 16.

В. И. ЛАПТУН

* * *

МОЖАРОВСКИЙ Аполлон Федорович (1841 — 22.10(3.11). 1900, Н. Новгород), рус. священник, этнограф, историк Казан. и Нижегород. края. По окончании Казан. дух. уч-ща и семинарии учился в дух. академии (1862—66). Затем вел миссионерскую деятельность в Казан. епарх. С 1867 помощник ректора Казан. дух. семинарии. С 1873 в теч. 27 лет преподаватель Нижегород. дух. семинарии, изучает историю и этнографию, миссионерское дело в Поволжье. В 1878 избран действ. чл. Общ. археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. За книгу «Изложение хода миссионерского дела по просвещению христианством казан. инородцев с

1852 по 1867 г.» (1880) присуждено звание магистра богословия. Член Нижегород. губ. арх. комиссии, губ. стат. комитета и др. Большое внимание уделял изучению истории христианизации и языч. верований мордвы, истории мордов. поселений и приходов, просвещения нижегород. мордвы, Терюшевского восстания и др., одним из первых изучил хранившуюся в библиотеке Нижегород. семинарии рукопись пятиязычного словаря, сост. епископом И. Дамаскиным (Рудневым) (1785); кот. содержал мордов. лексику, дал его описание. Данные, собранные М., активно используются современными исследователями.

Соч.: Инородцы-христиане Казан. епархии // Рук-во для сел. пастырей. 1864. № 22; Из истории просвещения нижегород. мордвы // Нижегород. губ

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КОМИССИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИ БРАТСТВЕ СЯТИТЕЛЯ ГУРИЯ, учреждена Св. Синодом в 1876 для перевода на языки нерусских народов Поволжья, Приуралья и Сибири учебных пособий для миссионер. школ, книг богослужеб., церковного, вероучит. и нравоучит. содерж. Председателями П. К. были Н. И. Ильминский и М. А. Машанов. Главная цель — христианское просвещение нерусских народов и противодействие мусульманскому влиянию на них. В основу переводческой деятельности положены идеи создания нац. алфавитов на базе рус. графики и использования дополн. знаков и букв, опора на разг. язык, учет нац. психологии. Велись переводы на 20 языков, издано св. 800 названий книг общим тиражом более 1,5 млн экз. (1910). Ежегодно публиковались отчеты. Переводы на морд. яз. с 1879, т. к. в Указе Св. Синода разрешались издания на всех наречиях, кроме наречия морд. племени. Эта работа в основном выполнялась А. Ф. Юртовым и М. Е. Евсеевым. Они изучали религ. состояние мордвы, их говоры. Количество морд. изданий было незначительным. К 1910 издано 27 книг. В

1879 — 80 осуществл. первые переводы на мокша-морд. яз. — А. И. Тюмеева «Господа нашего Иисуса Христа: святое Евангелие от Матфея» и А. Ф. Юртова «Священная история Ветхого и Нового завета». С 1891 начал переводить на мокша-морд. яз. М. Е. Евсеев. Основное место занимали богослужеб. и вероучит. издания, выпущены первые учебные книги: «Букварь для мордвы-эрзи с присоединением молитв и рус. азбуки» (Юртов, 1884), «Букварь для мордвы-эрзи» (Евсеев, 1892, 1897), «Букварь для мордвы-мокши» (Евсеев, 1892, 1897), «Первоначальный учебник рус. яз. для мордвы-эрзи» (Евсеев, 1892, 1897), «Первоначальный учебник рус. яз. для мордвы-мокши» (Евсеев, 1892, 1897), из светской лит. наиболее интересны «Образцы морд. нар. словесности» (Юртов, 1882, 1883; Евсеев, 1896, 1897), «Крещение Руси при св. князе Владимире» (Евсеев, 1888, 1891), «Рассказ о болезни и смерти государя Императора Александра III и о вступлении на престол Императора Никола

* * *

ТЮМЕНЕВ Александр Иванович (1817—?), рус. педагог, филолог, переводчик. В 1830—36 обучался богословию, филологии, истории, философии в Тамбов. дух. семинарии. Изучал мордов. (мокша) яз. под рук. П. П. Орнатова. После годич. службы в Липецком дух. уездном уч-ще учился в Моск. дух. академии (1838—42), а затем служил в Киевской дух. семинарии учителем словесности и богословия (1842—46). С 1846 ректор тамбовских дух. уч-щ. В 1848—57 профессор Тамбов. дух. семинарии по курсу словес-

ности, пом. инспектора. Вел класс мордов. яз., кот. читался в теч. 3 лет по два часа в неделю. Разработал методику преподавания мордов. яз. в семинарии. В 1857 представил в Св. Синод перевод на мокша-морд. яз. Евангелие от Матфея, изданное лишь в 1879 после длит. переписки церковных и светских властей. Переводч. комиссией миссионерского о-ва при братстве св. Гурия. С 1857 служил в других дух. уч. завед., в т. ч. в С.-Петербурге. В 1883 получил чин стат. советника.

Соч.: Евангелие от Матфея. На мокшанское наречие мордовского языка

переведено А. И. Тюменевым. Казань, 1879.

Лит.: Фескистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских пись-

менно-литературных языков. М., 1976.

Е. Г. ОСОВСКИЙ

* * *

БУТУРЛИН Иван Иванович — госуд. деятель XVII в., стольник, воевода. В 1613 — участник собора по избранию на царствование М. Романова, в 1618 — воевода в Москве у Арбатских ворот для защиты от нападений поляков, в 1626 — воевода прибылого полка в Мценске, в 1630 — 1631 — воевода в

Мосальске. В 1636 строил и охранял Темниковскую засеку. В 1638 — 1639 — при дворе, в 1640 — 1641 — воевода в Великих Луках, в

воевода в Переяславле-Рязанском. В 1633 был первым воеводой у Никитских ворот при набегах крымцев, в

1638 — второй распорядитель при строительстве Земляного города в Москве.

Лит.: Петров П. Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1; Гагенвинкель К. Б. Книги разрядные в официальных их списках, как материал для истории Сибири XVII века. // Изв.

о-ва археологии, истории и этнографии при Императорском Казан. ун-те. Казань, 1892. Т. 10, вып. 5; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1950. Т. 1, ч. 2.

В. А. ЮРЧЕНКОВ

* *

*

ЛАЗАРЕВ-СТАНИЩЕВ Тимофей Юмшанович — госуд. деятель конца XVI — начала XVII в. В 1589 разбирал споры дворян и детей боярских в Старице, в 1592 — в Муроме и отводил их в Новгород к кн. Мстиславскому. В 1593 — 1594 — полковой воевода в Темникове, в 1595 — в Шацке, в 1597 — 1599 — воевода в Тобольске, в 1601 — в Дедилове. В 1602 во время голода послан

Б. Годуновым в Псков и уезд с хлебом и деньгами, в 1603 — объезжий голова в Москве; в 1603 — 1605 — воевода в Архангельске. В 1609 в боях с восставшими крестьянами под Нижним Новгородом был ранен и попал в плен. В 1610 — полковой воевода в Арзамасе, в 1612 — в Юрьеве Польском. В 1613 послан боярами и Земским собором в Бежецкий Верх.

Лит.: Акты исторические. СПб., 1841. Т. 2; Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворян-

ских фамилий. СПб., 1886. Т. 1; Лазарев-Станицев Т. Ю. // Русский биографический словарь. СПб., 1914.

В. А. ЮРЧЕНКОВ

* *

*

ФИЛОСОФОВ Федор Иванович — госуд. деятель первой пол. XVII в. Участник обороны Москвы в годы польско-

шведской интервенции. В 1631 — осадный воевода в Туле, позднее — в Луках Великих, в 1654 — в Темникове.

Лит.: Петров П. Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1; До-

кументы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1950. Т. 1, ч. 2.

В. А. ЮРЧЕНКОВ

Достаточно высокую активность проявила мордовская делегация. На конференции выступили Д. Т. Надъкин, Г. И. Пинясов, Ю. Ф. Юшкин. Работа также продолжалась и вне рамок конференции. Члены мордовской делегации вели интенсивные переговоры с финскими коллегами об издании произведений финских писателей в Мордовии и мордовских поэтов и прозаиков в Финляндии, о взаимных гастролях артистов, о приобретении полиграфической техники и т. д. Автору этих строк удалось добиться приема у директора канцелярии министерства образования Финляндии (он же заместитель министра) господина Яакко Нумминена и взять у него интервью (фрагменты этой беседы публикуются ниже). Интересные контакты завязались у нас с учеными из Мюнхена, Будапешта, Хельсинки, Турку.

Насыщенной была культурная программа конференции. Мы посетили Общество финской литературы, музей под открытым небом «Сеураасаари»,

что означает «Старинная финская деревня», Общество М. А. Кастрена, Хельсинкский университет, где были приятно удивлены наличием большого количества литературы на мокшанском и эрзянском языках. Побывали на приеме в Венгерском посольстве, где присутствовала супруга президента Финляндии Теллерво Койвисто, в объединенном журнальном издательстве и др. Все встречи проходили в дружеской неофициальной обстановке.

Хочется сказать большое спасибо председателю Общества М. А. Кастрена Лезне Лаулайнен, секретарю общества — милой энергичной женщине Пауле Кокконен, которые взяли на себя обязанности по организации конференции. Подобные события дают основание надеяться, что самобытная культура угро-финских народов имеет будущее.

Ю. А. МИШАНИН, зам. главного редактора журнала «Вестник Мордовского университета»

ЯАККО НУММИНЕН: «МЫ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО...»

(БЕСЕДА С ДИРЕКТОРОМ КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ ФИНЛЯНДИИ)

— Господин Нумминен, Вы являетесь одним из руководителей министерства образования Финляндии. Расскажите, пожалуйста, о его структуре.

— В нашем министерстве два министра: один занимается вопросами культуры, другой — образования. Я явля

университетах. Для учителей 1 — 9-х классов в этом году при университетах основаны институты, которые работают в тесном сотрудничестве с педагогическими факультетами университетов. Преподаватели гимназий, как и прежде, учатся на различных факультетах университетов. Будущих педагогов для профессиональных училищ готовят в основном политехнические институты.

— *Следовательно, все учителя имеют высшее образование?*

— Да, кроме старых преподавателей.

— *Господин Нумминен, на каком уровне материальной обеспеченности находятся Ваши учителя: среднем, ниже или выше среднего?*

— В данном случае все зависит от специальности: у преподавателей политехнических, коммерческих институтов она несколько выше, чем у гуманитариев. В целом заработная плата преподавателя в Финляндии выше, чем у других категорий служащих.

— *Какой процент от государственного бюджета выделяется на образование?*

— Довольно большой. Это во многом зависит от того, что у нас низки военные расходы. Министерство просвещения имеет пятую часть бюджета (17 — 18 %). Большая доля средств идет на образование. Но это еще не все, так как мы получаем финансирование и от муниципалитетов.

— *Сколько студентов приходится на тысячу жителей страны?*

— Для учащихся от 6 до 16 лет у нас существует обязательное среднее образование. После окончания средней школы 95 % учащихся продолжают учебу в гимназиях и профессиональных училищах, после окончания которых 30 % поступают в университеты и другие высшие учебные заведения. Здесь у нас существует небольшая проблема. Дело в том, что в вузах очень много 30- и даже 40-летних студентов. Это объясняется тем, что они одновременно работают. Нам, конечно, хотелось бы, чтобы их обучение

проходило более интенсивно.

— *Преподавание ведется только на финском языке?*

— У нас два государственных языка: финский и шведский. Это значит, что преподавание ведется на этих двух языках. Все законы и положения издаются и по-фински, и по-шведски, все государственные служащие должны владеть как тем, так и другим языком. У нас существуют специальные школы, где преподавание ведется на каком-то из иностранных языков: русском, английском, немецком, французском. Не

К сожалению, время, отведенное на беседу, пролетело быстро (господин Нумминен спешил на заседание коллегии министерства). Встречу помогла организовать доктор Ингрид Шель-

бах-Копра, Сиррка Саарипен, Мерья Сало, переводчик Пертти Пийспанэн и другие финские друзья, которым выражаю искреннюю признательность.

Ю. МИШАНИН

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВОЛГО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

СЕППО ЛАЛЛУККА, доктор общественных наук
(Хельсинки)

Традиционно считается, что родной язык конкретного человека — это язык того народа, к которому данный человек принадлежит по крови. В настоящее время, в особенности в многонациональных странах, встречается все больше людей, которые затрудняются ответить на вопрос, какой язык является для него родным. Особенно это касается тех национальных меньшинств, которые были подвергнуты процессам языковой ассимиляции. Ответ на данный вопрос во многом зависит от того, что понимается под родным языком: язык, на котором человек впервые заговорил, или которым он лучше всего владеет, каким чаще всего пользуется, или тот, с которым он себя отождествляет. Это значит, что в зависимости от используемого в каждом случае определения один и тот же человек на вопрос о родном языке может ответить по-разному.

Мы исходим из того, что родной язык тесно связан с происхождением и идентитетом человеческого индивида, т. е. с его внутренним отождествлением. В качестве рабочего определения в данном случае может служить то, что родным является тот самый первый язык, которым человек овла-

дел и с которым он себя отождествляет. Считаю существенным подчеркнуть, что замена родного языка другим невозможна без возникновения впоследствии вредных влияний.

Рассмотрим проблемы родного языка на примере волго-пермской группы уральской языковой семьи, в которую входят коми, коми-пермяцкий, марийский, мордовский и удмуртский языки. Прежде всего сделаем небольшой обзор их современного положения с учетом роли русского языка, без чего невозможно раскрыть рассматриваемый вопрос, проанализируем проблемы, связанные с так называемым национально-русским двуязычием, с точки зрения сохранения родных языков.

школ способствовало тому, что языки коренной национальности оказались в положении пасынков.

Когда язык не может обслуживать все население, сфера его функций сокращается: он вытесняется из тех сфер, которые представляют власть, коммуникацию, профессиональную культуру и т. д. Юридически национальный язык может иметь такой же статус, как и язык большинства, но о фактической равноценности языков здесь и речи быть не может.

В сложившейся ситуации стремление к двустороннему двуязычию заслуживает всяческой поддержки. С моральной точки зрения даже незначительный прогресс в реализации этой задачи может иметь большое значение. Но вряд ли реалистически обосновано ожидание, чтобы русскоязычное население стало в широком масштабе изучать язык коренной национальности.

При изучении языковых общин в Северной Америке Джосуа Фишман заметил, что сохранить стабильность национально-английского двуязычия удалось тем группам, которые смогли сохранить хотя бы одну коммуникативную сферу (например религию) для своего собственного языка. Те группы, которые не смогли этого сделать, как правило, утратили свой язык, причем стремительно, при жизни третьего поколения. Таким образом, способность держать языки функционально отдельно друг от друга — это один из основных факторов, которые могут стабилизировать двуязычие.

Ответственность за сохранение языка нельзя возлагать исключительно на школу. Никакая школа не сможет передать язык детям так, как это сделают в семье.

Очевидно, что законы о языке не достигнут своих целей, не имея поддержки гражданского общества. С другой стороны, те же цели могут быть достигнуты без особого законодательства, если существует благоприятный социальный климат.

Существенным фактором, затрудняющим сохранение и функционирование языков национальных меньшинств, может быть существование различных диалектов.

Немаловажным фактором укрепления позиций коренных языков является наличие наряду с серьезной высокохудожественной культурой, адресованной довольно узкому кругу потребителей, литературы, доступной широким слоям населения.

В последнее время на культурных форумах Общоевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству заметно повышение интереса к малым народам и их языкам. Вырисовывается общая концепция, согласно которой на этом участке обновляющейся Европе следовало бы опираться на признание многообразия культур и на защиту самобытности меньшинств. Надеемся, что этот благородный принцип претворится в жизнь. Фонд развития культур финно-угорских народов принял мудрое решение, решил посвятить большую долю своей работы детям, в руках которых будущее язы

Нам нужно интенсифицировать прямые финно-угорские языковые контакты, для чего в республиках следует открыть финно-угорские гимназии, лицей, факультеты, наладить обмен студентами, преподавателями, регулярные стажировки.

Свое внутреннее двуязычие мордва преодолевает пока в основном на словах. В школах и вузах есть программы и учебники по мордовской литературе, но рядовой читатель (школьник в том числе) имеет дело с эрзянской или мокшанской литературой. Переводы фрагментарны, близкородственный язык в наших учебных заведениях не изучается ни в качестве дисциплины (хотя бы факультативной), ни в кружках. Финансов для материального обеспечения национально-культурных программ, в особенности с охватом почти миллионной диаспоры, у Мордовии мало, нужно участие России и Союза.

Таковы непростые проблемы мордвы. Главная особенность момента состоит в том, что речь идет о выживании народа. Определяющими факторами выживания мордовского народа, по нашему мнению, являются:

— сохранение (возрождение) мордовского (эрзянского и мокшанского) села;

— превращение Мордовии в национальную экологическую нишу мордвы, Саранска — в центр национально-культурной автономии эрзян и мокшан;

— придание эрзянскому и мокшанскому языкам статуса государственных в МССР и официальных в местах компактного проживания мордвы за пределами республики;

— внедрение образования на эрзянском и мокшанском языках;

— создание национальной церкви с богослужением на мордовских языках;

— развитие национальной городской культуры (радио, телевидение, кино, центры национальной культуры, библиотеки, облик города и др.), увеличение тиражей и расширение спектра национальных изданий;

— расширение языковых и культурных контактов, сотрудничества с финно-угорскими и другими народами, поднятие уровня межнациональных отношений в МССР и во всем Союзе на основе уважения прав человека и его национального достоинства.

ЭКСЕТЕРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

О. М. КИУШКИНА, кандидат филологических наук

высшего образования в Мордовии. Дальнейшее развитие школьного образования и просвещения способствовало тому, что в 1962 г. в республике открылся второй вуз — Мордовский государственный педагогический институт, названный впоследствии именем М. Е. Евсеева. Следовательно,

дело МГПИ имени А. И. Полежаева, заложившего фундамент вузовского образования в Мордовии, продолжается ныне двумя вузами: МГУ имени Н. П. Огарева и МГПИ имени М. Е. Евсеева.

В. Н. КУКЛИН, кандидат
исторических наук

**НОВЫЕ АНГЛИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУЧНОГО
НАСЛЕДИЯ М. М. БАХТИНА**

Bakhtin and cultural theory / Ed. by K. Hirschkop and D. Shepherd. — Manchester: Manchester univ. press, 1989. — 224 p.; Discontinues discourses in Modern Russian literature / Ed. by C. Kelly; M. Makin, D. Shepherd. — L.: Macmillan, 1989 — XIV, 178 p.

Имя М. М. Бахтина хорошо известно на Британских островах. Английская славистика и в прежние десятилетия уделяла немало внимания идеям русского мыслителя. Но не будет преувеличением утверждение, что подлинный «бахтинский Ренессанс» наступил здесь лишь в 80-е годы. Свидетельством серьезного интереса к наследию ученого специалистов в области языкознания, литературоведения, театра, культурологии и выступают обе рецензируемые книги.

Несмотря на то, что изданная в Манчестерском университете коллективная монография называется «Бахтин и теория культуры», к культурологии она имеет лишь косвенное отношение. Ее авторы, испытавшие «воздействие» не только идей М. М. Бахтина, но и английской социологической поэтики, пытаются применить положения последней в собственной исследовательской практике. В целом книга свидетельствует, что социологическая поэтика, закладывавшаяся еще в 20-е годы и получившая развитие в ряде работ М. М. Бахтина, остается эффективным средством постижения «словесного творчества». В то же время практика большинства

авторов явственно демонстрирует всю опасность увлечения упрощенным, вульгаризированным социологизаторством, что сводит на нет возможность получения положительных результатов при использовании социологического метода в гуманитарных науках. Если исследователь не предвидит этой опасности, его неизбежно ждет соблазн «рокового теоретизма», вне зависимости от того, предстает ли он в образе модных еще вчера структуралистских штудий или политизиров

